

Е. В. Маркасова
Пекин, КНР

К ВОПРОСУ О СУБЪЕКТЕ И СУБЧИКЕ

АННОТАЦИЯ. *Объект исследования — коннотативная семантика слов «субъект» и «субчик». Работа основана на дескриптивном методе. Было выявлено, что процесс идеологизации лексики русского языка в советский период и последовавший затем, в последние двадцать-тридцать лет, противоположный процесс реидеологизации отражены в семантических сдвигах слов «субъект» и «субчик». Слово «субчик» образовано от лексемы «субъект» суффиксальным способом. Результаты исследования могут быть использованы в лексикографии, лексикологии, в области комментирования художественной литературы советского периода, в ходе преподавания истории русского литературного языка, стилистики и культуры речи. В заключении отмечается, что слово «субъект» вошло в активный словарный запас интеллектуалов до революции и не обладало устойчивыми коннотациями вплоть до двадцатого века. В советский период это слово использовалось для характеристики «чуждых» социальных элементов в художественной литературе и публицистике. Слово «субчик» унаследовало только одно значение «субъекта» — «чуждый, не являющийся „своим“». Это слово приобрело положительную коннотацию в постперестроечный период.*

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: историческая семантика; лексикография; коннотация; советизм; идеологизация лексики.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: *Маркасова Елена Валерьевна, доктор филологических наук, Пекинский университет (КНР); адрес: 100871, China, Haidian District, Beijing, No. 5 Yiheyuan Road; e-mail: markasovaelena@yandex.ru.*

Наша статья посвящена истории двух слов: **субъект** и **субчик**. Семантика первого, фигурально выражаясь, очень далека от идеологических волнений и потрясений в силу исходной терминологичности. Его происхождение никак не связано с революционными событиями. Второе — **субчик** — получило распространение после революции. Оно образовано от **субъект** с помощью усечения основы и суффикса **чик** (подобно **хозяйчик**) и включено и в нормативные толковые словари (например, в МАС и БТС), где толкуется через синоним — **субъект**, и в словари, отражающие жаргонную лексику, где трактуется как **сводник**, **сутенер**. Первое толкование соответствует «Грамматике-80»: «В новых образованиях протерочного характера с суф. *-ик/-чик*, являющихся синонимами мотивирующих слов, выступают нерегулярные усечения основ: субъект — субчик, шизофреник — шизик, туеядец — туник...» [Грамматика 80]. Существующее расхождение словарных данных и стало поводом к размышлениям об истории положительных и отрицательных коннотаций слов **субчик** и **субъект**.

Процесс обновления коннотации может быть отражением позиций разных социальных групп: в одно и то же время одна часть общества может наделять слово положительной коннотацией, другая — отрицательной. Об этом много писали исследователи [Гловинская 2008; Карасик 2002; Крысин 2000; Шмелькова 2009 и др.]. Коннотации лексемы — «несущественные, но устойчивые признаки выражаемого ею понятия, которые воплощают принятую в данном языковом коллективе оценку соответствующего предмета или факта действительности» [Апресян 1995:167] — чрезвычайно подвижный показатель общественных настроений. В постсоветскую эпоху изменились взгляды социума на «хорошие» и «плохие» профессии, плюсы и минусы общественной позиции или определенных типов поведения [Гладилина 2011; Корносенков 2008]. Следствием этой переоценки ценностей и стали изменения коннотаций лексем, служащих для обозначения социального статуса человека (**пролета-**

рий, **буржуй** и др.), для именованя его по роду деятельности (**сантехник**, **летчик**, **учитель** и др.), общественной позиции (**конформист**, **диссидент** и др.) или каким-либо ярким признакам поведения (**максималист**, **романтик** и др.). История слов **субъект** и **субчик** выглядит на фоне перечисленных существительных не так прозрачно.

СУБЪЕКТ

В исчерпывающей статье И. Б. Левонтиной анализируются два значения слова **субъект** — «субъект как объект и субъект как противоположность объекта». Автор указывает, что оба значения отмечены в словарях: «Так, у А. Д. Михельсона («30000 иностранных слов, вошедших в русский язык, с объяснением их корней» (М., 1866) читаем: «**Субъект** — лат. *subjectum*, от *subjicere*, подвергать. Предмет, подлежащий действию другого». А практически одновременно с этим в «Настольном словаре для справок по всем отраслям знаний» Ф. Толя (СПб., 1863—1864) **субъект** определяется как «лицо действующее, говорящее» и отмечается, что он «противопологается объекту» [Левонтина]. Примеры из НКРЯ свидетельствуют о том, что в литературе XIX в. **субъект** мог вызывать разнообразные реакции: и радость, и интерес, и сочувствие. Его синонимы — «объект» и «пациент». Например:

(1) *Точно, как говорит Писемский, объективности дара в Тург[еневе] нет, но сам субъект прекрасен, симпатичен и поэтичен* [А. В. Дружинин. Дневник (1845)] (здесь и далее в квадратных скобках приводятся ссылки на примеры из НКРЯ, а в круглых скобках — на примеры из других источников).

(2) *Сильнейшее воспаление в легких; перипневмония в полном развитии, может быть, и мозг поражен, а субъект молодой* [И. С. Тургенев. Накануне (1859)].

Назвать кого-то **субъектом** означало показать дистанцию между собой (говорящим) и тем, о ком идет речь, т. е. продемонстрировать свою объективность. Примерно до 1880—1890-х гг.

субъектом может быть назван известный человек, даже с указанием его имени. При этом **субъект** — неодушевленное существительное. Например:

(3) *Мне очень жаль, что я скоро расстался с Матреной и не мог доучить этот интересный субъект...* [А. И. Герцен. Доктор Крупов (1846)].

В конце XIX в. **субъект** зачастую является неизвестной фигурой, «каким-то» **субъектом**. А. П. Чехов пишет, что это «ругательное слово» («3000 иностранных слов, вошедших в употребление русского языка»). Чеховский персонаж называет шафера «каким-то **субъектом**», подчеркивая свое нежелание с ним знаться:

(4) — *Я настолько гордый человек, что не стану какому-нибудь субъекту свой билет показывать. Отойдите от меня...* (Чехов А. П. «Гордый человек»).

Субъектом «его-ство» называет маленького человека, просителя с «негромкой фамилией», не заслуживающей упоминания:

(5) *Из угла в угол шагает швейцар, алчущий и жаждущий. На сытом рыле его написано корыстолюбие, в карманах позванивают плоды лихоимства. В десять часов начинает вползать с улицы в переднюю маленький человек, или, как изволит называть его-ство, „субъект“. Субъект вползает, подходит на цыпочках к столу, робко берет в дрожащую руку перо и выводит на сером листе свою негромкую фамилию* (Чехов А. П. Лист).

В прессе начала XX в. он представлен именно как «неустановленная личность», как «некто»: словно потеряв былую способность вызывать положительные эмоции, **субъект** обретает склонность к ассоциальным поступкам.

(6) *Нам сообщают, что на днях около 6 часов вечера на Рождественской ул. возле свечного завода какие-то два субъекта (один был на лошади) пытались похитить молодую девушку...* [неизвестный. Городская хроника (1909.02.04) // «Сибирский листок», 1909].

В 1920—1940-х гг. значения **субъекта** «активное действующее лицо» (7) и «объект» (8) сохраняются (как это было и в предшествующий период) в официальных документах и научных текстах:

(7) *Россия не допустит возможности превращения ее из субъекта в объект международных отношений* [Совещание Членов Учредительного Собрания. 1921].

(8) *Усматривая в наблюдаемом черты, знакомые ему самому из собственного детства, но позднее утраченные, наблюдатель будет считать наблюдаемого субъекта человеком, оставившимся в своем развитии, хотя и взрослым, но наделенным чертами детской психики* [Н. С. Трубецкой. Европа и человечество (1920)].

В XIX в. вопрос о том, к какой социальной группе принадлежит **субъект**, был бессмысленным: **субъектом** мог быть назван любой человек, принадлежащий к любому сословию. Применительно к постреволюционным текстам XX в. этот вопрос имеет смысл. В художественной литературе **субъект** — «социально чуждая личность», как это было в дореволюционной прессе. Например:

(9) *...наступаю я на почтаря и указываю на трех подозрительных субъектов, с ним приехавших и напоминавших по внешнему виду мелких торговцев* [Д. А. Фурманов. Мятёж (1924)].

Если раньше (см. (1) и (2)) эта дистанция была признаком объективности, то теперь это признак отчужденности. Например:

(10) *Предложение: данного субъекта в комсомол не принимать!* [В. П. Беляев. Старая крепость (1937—1940)].

(11) *К этому субъекту я еще с 1905 г. относился без доверия, а теперь по-видимому окончательно приходится считать его прихвостом* [П. Н. Миллюков. Из писем Е. Д. Кусковой (1923—1927)].

Сознательно нарушая принцип историзма, приведем цитату из воспоминаний Л. М. Кагановича:

(12) *Только Ленин, только большевики говорят вам правду, они указывают единственный правильный выход из войны — не речами болтунов, не разрозненными выступлениями отдельных частей по призыву случайных личностей и „субъектов“ и „субчиков“, а единым организованным политическим действием. Завоеванием власти рабочих, солдат и крестьян — власти Советов можно завоевать мир, окончить войну и построить новую жизнь* [Л. М. Каганович. Памятные записки (1991)].

Неизвестно, действительно ли на митинге были произнесены слова **субъект** и **субчик**, или они появились уже в воспоминаниях, которые Л. М. Каганович начал писать в 1960-е гг. Важно, что в языке представителя этого поколения ни у **субъекта**, ни у **субчика** нет ясной классовой позиции: это не рабочие, не крестьяне, не солдаты, это чуждые большевикам «неизвестные». Отсюда и нелюбовь к ним: они включены в систему наименований лиц (*типчик, хозяйчик*), отражающих пренебрежительно-высокомерное отношение к ним общества. **Субъект** (как и **субчик**) противопоставлен «единому организованному политическому действию».

(13) *Если сесть с пролетарской частью, то интеллигентны подумают: этот субъект подмазывается к пролетариату* [П. С. Романов. Право на жизнь, или Проблема беспартийности (1927)].

Это слово из лексикона интеллигенции стало элементом речевой характеристики ее представителей. С удивительным постоянством слово **субъект** встречается в «Голубой книге» М. Зощенко. Причем, говоря языком эпохи, как «чуждый элемент» **субъект** всегда смешон: «Длинногривый, но не поп», «хромоногий, составившийся в злодеяниях», «интеллигентный», «дряхлый, обшарпанный», «вроде бабы, с осоловевшими глазами и с тонким голосом».

(14) *Один такой без шапки, длинногривый субъект, но не поп. Такой вообще интеллигент в черной тужурке* (М. Зощенко. Мелкий случай из личной жизни).

(15) *А оно, этот хромоногий субъект, видать, состарившийся в злодеяниях, небрежно зевая и не закрывая даже своего чела рукой, идет на своей кривой ноге, нехотя поглядывая на прелестную даму, которая суть не кто иная, как его жена* (М. Зощенко. Деньги).

(16) *Ну, а замуж в настоящее время выйти не так просто! Тем более если дама интелли-*

гентная и ей охота видеть вокруг себя тоже интеллигентного, созвучного с ней **субъекта** (М. Зощенко. Рассказ про одну корыстную молочницу).

(17) *Есть такая, может быть, знаете, знаменитая картина из прежней жизни, она называется — „Неравный брак“. На этой картине нарисованы, представьте себе, жених и невеста. Жених — такой вообще престарелый господинчик, лет этак, может быть, семидесяти трех с хвостиком. Такой вообще дряхлый, обшарпанный **субъект** нарисован, на которого зрителю глядеть мало интереса* (М. Зощенко. Рассказ о старом дураке).

(18) *Почему за кассой женщина? Что за странное явление природы? Или наш брат мужик не может равнодушно глядеть на вращение денег вокруг себя? Или он заливает от постоянного морального воздействия и денежного звона? Или еще есть какие-нибудь причины? Но только очень изредка можно увидеть нашего брата за этим деликатным денежным делом. И то это будет по большей части старый **субъект**, вроде бабы, с осолопевшими глазами и с тонким голосом* (М. Зощенко. Забавное происшествие с кассиршей).

Классовая природа **субъекта** нашла отражение именно в рассказах Зощенко: «Кто это такое?» — спрашивают о приехавшем миллионере, «хромомомом субъекте», в той же «Голубой книге». Отрицательная коннотация объясняется тем, что **субъект** не включен в классовую структуру, как и интеллигенция, являющаяся «прослойкой».

В 1944 г. вышел на экраны фильм «Свадьба», режиссер и сценарист которого (И. Аннинский) «дописал» чеховский водевиль. Реплики Эпаминонда Апломбова в фильме отличаются от его реплик в «Свадьбе» А. П. Чехова. В частности, он дважды говорит «Я не субъект какой-нибудь», чего в тексте Чехова нет. Эта фраза взята сценаристом из рассказа «Депутат, или Повесть о том, как у Дездемонова 25 рублей пропало»:

(19) *Лучше без должности жить, чем реноме свое в ничтожество иметь! Теперь XIX столетие. У всякого свое самолюбие есть! Я хоть и маленький человек, а все-таки я не **субъект** какой-нибудь и у меня в душе свой жанр есть! Не позволю!*

И. Б. Левонтина интерпретирует реплику так: «Как смешно актер Эраст Гарин в старом фильме „Свадьба“ произносит эту чеховскую фразу: „Я не субъект какой-нибудь, у меня тоже в душе свой жанр есть!“ Нам смешно еще и потому, что герой несколько неуместно употребляет слово **субъект** (в смысле *субчик, подозрительная личность*). Ну, как если бы, доказывая, что он выгодный жених, сказал: *Я не хмырь какой-нибудь!* А ведь у Чехова в этой фразе говорится не про *субчика* или *хмыря*. У слова **субъект** в 19 в. было такое странное на современный слух значение — «пациент» или «объект». <...> И у Чехова фраза *Я не субъект какой-нибудь* — не про пустое тщеславие, а про самозащиту маленького человека. Классический мотив русской классической литературы: да, я маленький человек, но не предмет, не объект, не вещь, не страдательное лицо — у меня есть душа».

Однако такой комментарий противоречит двум фактам. Во-первых, чиновник с говорящей фамилией Апломбов в фильме никакой жалости не вызывает: это не маленький человек, вызывающий умиление и сочувствие, подобно Макару Девушкину, а человек-хищник. Во-вторых, к 30—40-м гг. в русском языке слово **субъект** приобретает отрицательную коннотацию. И. Аннинский, включая в фильм цитату из другого текста Чехова, конечно, знал, что для зрителя 1940-х гг. **субъект** — «ругательное слово», только не в чеховском понимании. К тому же в фильме Апломбов ведет себя именно как **хмырь**. А не как маленький человек.

СУБЧИК

В Словаре русского языка в 4 томах **субчик** — личность «обычно темная, подозрительная».

СУБЧИК, -а, м. Прост. неодобр. Субъект, личность (обычно темная, подозрительная). — В центре города, на Соборной площади, бегают какие-то субчики в замшевых куртках на молнии. Катаев, За власть Советов. (Субчик // Словарь русского языка в 4-х томах. Т. 4. — 1999 february.ru/feb/mas/mas-abc/18/ma429910.htm).

В Большом толковом словаре под ред. С. А. Кузнецова **субчик** становится просто «темной, подозрительной личностью» уже без «обычно» и, значит, без возможности хотя бы «киногда» становиться просто **субъектом**.

СУБЧИК, -а; м. Неодобр. Темная, подозрительная личность; вызывающий неприязнь **субъект**. Известный в округе с. Подозрительный с. попросил прикурить.

Примерно в это же время появляется иное описание слова **субчик** с пометой *уголовное*:

СУБЧИК, -а; м. Сводник, сутенёр. Балдаев, II, 65; ББИ, 237; Мильяненко, 242. [Мокиенко, Никитина 2000: 468].

Обратимся к истории. В текстах XIX — нач. XX в. слово **субчик** нами не обнаружено. В Словаре воровского жаргона Трахтенберга (1908) это слово еще не отмечено. Самый ранний из найденных примеров — в «Ночном обыске» В. Хлебникова, написанном 2 ноября 1921 года [Старкина 2007:240].

(20) ...Готов голубчик,

Ноги вытянул.

А **субчик** был хорош

И маска хороша.

Еще два выстрела:

Вот этот в пол,

А этот в бога!

С 1920-х гг. это слово получает широкое распространение. **Субчик** советского периода наделен эпитетами *нелепый, обезвреженный, наглый, растерянный, эдакий, этот, такой* и проч. **Субчик** так же, как **субъект** из дореволюционной прессы, либо противопоставлен «своим», точнее, не включен в их число, либо связан с преступным миром (от бандитов до мелких жуликов). Например:

(21) — Ну, этих **субчиков** в Питере уже не осталось. Всех давно выловили, — сказал чекист. Тут он обратил внимание на жалкий костюм Янкеля, скинул шинель и сказал: — На, накинь, а то простудишься [Г. Г. Белых, Леонид Пантелеев. Республика ШКИД (1926)].

Отметим, что явно отрицательное отношение к **субчику** — свойство писателей одного поколения, одного исторического периода. Например:

(22) *Вот только разве кто-нибудь из его субчиков* [В. П. Беляев. *Старая крепость* (1937—1940)].

(23) *Возьмут субчика под белые руки и поведут в сельсовет* [Василий Белов. *Привычное дело* (1967)].

(24) *А помнишь это дерьмецо, этого лощёного субчика в жёлтых туфлях-лодочках, с наколочками, писателя, мать его так!* [Ю. О. Домбровский. Факультет ненужных вещей, часть 4 (1978)].

Субчик может и не быть представителем уголовной среды: он, подобно **субъекту**, просто «чужой».

(25) — *Сел за мелкое хулиганство на три года, субчика одного отделал, остальное в зоне наматал: побег, сопротивление охране* (А. Гера Над всей Россией серое небо).

(26) *Так и есть, пасут субчики. Даже не пасут, а туло долбятся в пустое жилище. Один в штатском. Нет, не в форме пиндосского полиция, а в гражданской одежде. А второй по форме обряжен, даже с фуражкой* (Р. Терехов *Дневник человека*).

На фоне «чуждого» **субчика** несколько экзотичны следующие примеры:

(25) — *И слава Богу. И слава Богу. Они, робяшки, пока вырастут, ой сколько натерпишься с имя! Вон у меня их сколько, субчиков-то было, а ниче, выросли. И ваш вырастет...* (В. Астафьев «Фотография, на которой меня нет»).

(26) *Когда в конце восьмидесятых Аманда Винсент из Монреальского университета Макгилла начала изучать морских коньков, она была разочарована: „Поначалу я не могла заметить этих субчиков“* [Александр Голяндин. Рассказы о животных, и не только о них: А у морского конька что за конек? // «Знание — сила», 2003].

Называние **субчиками** детей и животных опирается, конечно, не на «люмпенизированность» **субчика**, и даже не на его свойство быть объектом. Значение «субъект» десемантизируется: это просто некое живое существо. Аналогия — слова **штука**, **штучка**, **вещь**. Суффикс **-чик** в этих двух примерах из просторечного, уничижительного превращается в уменьшительно-ласкательный (как в словах «хлопчик», «пацанчик»).

Нелюбовь к **субчику** при советской власти сменяется мягко-ироничным отношением к нему в постсоветский период. В Словаре русского арго **субчик** дается с пометами *шутливое*, *ироничное*. Жуликовато-авантюрная натура стала в характеристике **субчика** более существенной чертой, чем его чуждость власти или близость к преступному сообществу. Современный **субчик**, в отличие от своего предка — **субъекта** — не предполагает ни пассивности, ни низкого статуса, ни возможности воздействия извне. Это наглый, удачливый и отнюдь не мелкий жулик. Даже отрицательные эмоции, вызванные поступками **субчика**, который включен во власть, сопровождаются легким восхищением.

(29) *Я назавтра в руинах лежу, а этот субчик как ни в чем не бывало в мэрии сидит* [Елена и Валерий Гордеевы. Не все мы умрем (2002)].

(30) *Тем более что этот субчик неистребим, ибо он представляет собою заболевание, против которого вакцина не найдена и, возможно, не будет найдена никогда* [Вячеслав Пьецух. Сравнительные комментарии к пословицам русского народа // «Октябрь», 2002].

Положительная коннотация авантюрного **субчика** проявляется и в том, что **субчиком** стало можно называть самого себя:

(31) *Многие этого рода подробности я узнал лишь позже, но и тогда было ясно, что субчика вроде меня к этому святая святых распределения писательских яств не могут подпустить и на выстрел* [Николай Климонтович. Далее — везде (2001)].

(27) *recobra 5 дек 10, 23:43 вполне себе находят-ся субчики-субподрядчики. И, конечно, это общее, поскольку слишком очевидно превращение субподрядчика в субчика. Бегло глянул, видел Белоруссию, Москву, Питер, Новосибирск.*

Ре: Субчика надо в лакуны словарей запустить. И даже, по-видимому, не жаргонных, а общих толковых [<http://forum.lingvo.ru/actualthread.aspx?tid=130486>].

«Превращение» субподрядчика в субчика обусловлено не только омонимией суффиксов и сходством начала слов. Образ субподрядчика в строительстве в массовом сознании связан с повечеством, обманом, возможностью легкого обогащения. Этот образ соответствует массовым представлениям о субчике, которые отражены в комментариях к слову **субподрядчик** на сайте форума:

(28) ...если Вам **субчик** выставляет меньше, чем Вы Заказчику, то большое спасибо ему за это! Разница — Ваша заслуженная! Независимо от того, в какой форме **субчик** вас предоставил свои отчетные документы ... Вам необходимо их работу выставить своим актом ... И ничего в этом страшного, кроме трудоемкости, нет. <...> Прежде чем подписывать форму или акт **субчику** надо было проверить на соответствие показатели.... <...> Мне Генчик говорит что мы на Заказчика должны выставлять по тем показателям что были в экспертизе. ничего менять не будем. и что делать? **субчик** дает меньше, а мне нужно включать больше.

Итак, **субчик** утрачивает отрицательную коннотацию в конце XX — начале XXI в. На наш взгляд, если бы у этого слова в современном русском языке существовало значение «сутенер», «сводник», его можно было бы обнаружить в текстах, да и наличие «шутливого» **субчика** показывает, что носителям языка такое значение не знакомо. Можно ли представить, что кто-то «шутливо» называет себя или собеседника «шмаровозом»? Видимо, значения «сутенер», «сводник» сомнительны, созданы на волне увлечения жаргонной и просторечной лексикой в конце XX — начале XXI в. В этот период в число жаргонизмов часто попадали случайные слова [Шаповал 2007; Добродомов 2009; Беликов 2006 и др.]. По крайней мере, примеры, доказывающие существование такого значения у слова **субчик**, не обнаружены. Конечно, можно считать, что «отсутствие какой-либо лексической единицы на основе ограниченного корпуса текстов недоказуемо, а ее ве-

роянное отсутствие доказуемо лишь с известной долей условности на основе весьма трудоемкой обработки репрезентативного корпуса текстов» [Шаповал 2007: 55]. Но наличие у слова **субчик** положительной коннотации показывает, что авторы, использующие это слово, не боятся быть неправильно понятыми.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В истории слов **субъект** и **субчик** отразился процесс идеологизации лексики в советский период, сменившийся процессом ее деидеологизации в последние 20—30 лет.

Субъект — слово, входившее в активный словарный запас интеллигенции и не имевшее устойчивой коннотации, стало в советский период средством характеристики «чуждых» социальных элементов в художественной литературе и публицистике. **Субчик** унаследовал лишь одно значение **субъекта**: «некто не наш». Из речи представителей власти он вошел в язык повседневного общения именно в этом значении: «некто чужой, связанный с преступным миром». Обретение **субчиком** одобрительного отношения было обусловлено постперестроечной переоценкой ценностей.

Наш материал (как примеры, так и словарные статьи) показывает, что, во-первых, формирование отрицательной коннотации слов **субъект** и **субчик** при советской власти имело идеологическую основу. **Субъекта** и **субчика** было трудно включить в советскую риторику, но их неопределенность сыграла свою роль в процессе изменения коннотации: пока в советской риторике преобладал классовый подход, **субчик** имел отрицательную коннотацию. Когда в постсоветский период актуализировалась романтика противостояния власти, коннотация изменилась.

ЛИТЕРАТУРА

1. Апресян Ю. Д. Коннотации как часть прагматики слова // Избранные труды / Ю. Д. Апресян. — М., 1995. Т. 2 : Интегральное описание языка и системная лексикография.
2. Балдаев Д. С. Словарь блатного воровского жаргона. В 2 т. — М., 1997.
3. Балдаев Д. С., Белко В. К., Исупов И. М. Словарь тюремно-лагерно-блатного жаргона: речевой и графический портрет советской тюрьмы. — Одинцово, 1992.
4. Беликов В. И. Полевые методы в лексикографии // II международный симпозиум по полевой лингвистике (Ин-т языкознания РАН, 23—26 окт. 2006 г.) : тезисы докл. — М., 2006.

5. Бельчиков Ю. А. О культурном коннотативном компоненте лексики // Язык: система и функционирование. — М., 1988. С. 30—35.

6. Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. — СПб. : Норинт, 1998.

7. Гладылина И. В. О карьере, карьеризме и карьеристах (лексикографический этюд) // Вестн. ТвГУ. Сер.: Филология. 2011. Вып. 3. С. 115—120.

8. Добродомов И. Г. Из истории одного жаргонизма (пацан) // Prawda — prawdy — mity — fałsze w językoznawstwie. — Warszawa, 2009. С. 9—36.

9. Дьячок М. Т. Пацан: слово и понятие // Политическая лингвистика. 2007. № 22 (2). С. 110—116.

10. Елистратов В. С. Словарь русского арго (материалы 1980—1990 гг.) // ГРАМОТА.РУ, 2002. (Электронная версия).

11. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. — Волгоград, 2002.

12. Корносенков С. В. Концепт «интеллигенция» в современной российской публицистике. Выражение «гнилая интеллигенция» как средство манипуляции // Вестн. Удмурт. ун-та. Сер.: История и филология. 2008. Вып. 3. С. 93—99.

13. Крысин Л. П. О некоторых изменениях в русском языке конца XX века // Исследования по славянским языкам. — Сеул, 2000. № 5. С. 63—91.

14. Левонтина И. Б. «Субчик-голубчик». URL: <http://stengazeta.net/?p=10003584>.

15. Мильяненков Л. А. По ту сторону закона. Энциклопедия преступного мира. — СПб., 1992.

16. Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Большой словарь русского жаргона. — СПб., 2000.

17. Ревзина О. Г. О понятии коннотации // Языковая система и ее развитие во времени и пространстве : сб. науч. ст. к 80-летию проф. Клавдии Васильевны Горшковой. — М. : Изд-во МГУ, 2001. С. 436—446.

18. Словарь русского языка : в 4 т. / ИЛИ РАН. 4-е изд., стер. М. : Рус. яз. : Полиграфресурсы, 1999. Т. 4. С—Я.

19. Старкина С. В. Замысел Велимира Хлебникова «1905—1917 годы»: осуществленное и неосуществленное (От «Ночи перед Советами» к «Ночному обыску») // Арабист. Хлебниковед. Человек: М. С. Киктев (1943—2005) / отв. ред. Е. Р. Арэнзон. М., 2007. С. 175—246.

20. Трахтенберг В. Ф. Блатная музыка («жаргон» тюрьмы) / под ред. и с предисл. проф. И. А. Бодуэн де Куртенэ. — СПб., 1908.

21. Шаповал В. В. О некоторых ошибках в современных жаргонных словарях // Вопросы филологии. 2007. № 1 (25). С. 55—61.

22. Шмелькова В. В. Лексическая деархаизация в современном русском литературном языке. — Пенза : Изд-во ПГПУ им. В. Г. Белинского, 2009.

E. V. Markasova
Beijing, PRC

ON “SUB’EKT” AND “SUBCHIK”

ABSTRACT. *The article analyzes connotative meanings of the words “sub’ekt” and “subchik”. The study is based on the descriptive method. As a result, the author found that the process of ideologization of the Russian lexis within the Soviet period and the following counter-process of de-ideologization in the recent twenty to thirty years are both reflected in the semantic shifts of the words “sub’ekt” and “subchik”. The word “subchik” was suffixally derived from the word “sub’ekt”. The results can be used in lexicography, lexicology, in the field commenting on the literary works of the Soviet period, in the process of teaching the history of the Russian literary language, stylistics and culture of speech. The author comes to the conclusion that the word “sub’ekt” was included in the active intellectual’s vocabulary before the revolution and had no permanent connotations until the 20th century. In the Soviet period the word was used for the characteristics of “alien” social*

elements in fiction and journalism. The word "subchik" inherited only one meaning of "sub'ekt": "alien", "not belonging to us". It has acquired a positive connotation in connection with the process of reconsideration of values.

KEY WORDS: *historical semantics; lexicography; connotation; Sovietism; ideologization of vocabulary.*

ABOUT THE AUTHOR: *Markasova Elena Valerievna, Doctor of Philology, Beijing University (Beijing, PRC).*

LITERATURE

1. Apresyan Yu. D. Konnotatsii kak chast' pragmatiki slova // Izbrannye trudy / Yu. D. Apresyan. — M., 1995. T. 2 : Integral'noe opisanie yazyka i sistemnaya leksikografiya.
2. Baldaev D. C. Slovar' blatnogo vorovskogo zhargona. V 2 t. — M., 1997.
3. Baldaev D. S., Belko V. K., Isupov I. M. Slo-var' tyuremno-lagerno-blatnogo zhargona: recevoy i graficheskiy portret sovetskoy tyur'my. — Odintsovo, 1992.
4. Belikov V. I. Polevye metody v leksikogra-fii // II mezhdunarodnyy simpozium po polevoy lingvistike (In-t yazykoznaniiya RAN, 23—26 okt. 2006 g.) : tezisy dokl. — M., 2006.
5. Bel'chikov Yu. A. O kul'turnom konnotativnom komponente leksiki // Yazyk: sistema i funktsionirovaniye. — M., 1988. S. 30—35.
6. Bol'shoy tolkovyy slovar' russkogo yazyka / gl. red. S. A. Kuznetsov. — SPb. : Norint, 1998.
7. Gladilina I. V. O kar'ere, kar'erizme i kar'eristakh (leksikograficheskiy etyud) // Vestn. TvGU. Ser.: Filologiya. 2011. Vyp. 3. S. 115—120.
8. Dobrodomov I. G. Iz istorii odnogo zhargo-nizma (patsan) // Prawda — prawdy — mity — fałsze w językoznawstwie. — Warszawa, 2009. S. 9—36.
9. D'yachok M. T. Patsan: slovo i ponyatiye // Poli-ticheskaya lingvistika. 2007. № 22 (2). S. 110—116.
10. Elistratov V. S. Slovar' russkogo argo (materialy 1980—1990 gg.) // GRAMOTA.RU, 2002. (Elektronnaya versiya).
11. Karasik V. I. Yazykovoy krug: lichnost', kontsepty, diskurs. — Volgograd, 2002.
12. Kornosenkov S. V. Kontsept «intelligen-tsiya» v sovremennoy rossiyskoy publitsistike. Vyrazheniye «gnilaya intelligentsiya» kak sredstvo manipulyatsii // Vestn. Udmurt. un-ta. Ser.: Istoriya i filologiya. 2008. Vyp. 3. S. 93—99.
13. Krysin L. P. O nekotorykh izmeneniyakh v russkom yazyke kontsa XX veka // Issledovaniya po slavyanskim yazykam. — Seul, 2000. № 5. S. 63—91.
14. Levontina I. B. «Subchik-golubchik». URL: <http://stengazeta.net/?p=10003584>.
15. Mil'yanenkov L. A. Po tu storonu zakona. Entsiklopediya prestupnogo mira. — SPb., 1992.
16. Mokienko V. M., Nikitina T. G. Bol'shoy slovar' russkogo zhargona. — SPb., 2000.
17. Revzina O. G. O ponyatii konnotatsii // Yazykovaya sistema i ee razvitiye vo vremeni i prostranstve : sb. nauch. st. k 80-letiyu prof. Klavdii Vasil'evny Gorshkovoy. — M. : Izd-vo MGU, 2001. S. 436—446.
18. Slovar' russkogo yazyka : v 4 t. / ILI RAN. 4-e izd., ster. M. : Rus. yaz. : Poligrafresur-sy, 1999. T. 4. S—Ya.
19. Starkina S. V. Zamysel Velimira Khlebnikova «1905—1917 gody»: osushchestvlennoe i neosushchestvlennoe (Ot «Nochi pered Sovetami» k «Nochnomu obysku») // Arabist. Khlebnikoved. Chelovek: M. S. Kik-tev (1943—2005) / otv. red. E. R. Arenzon. M., 2007. S. 175—246.
20. Trakhtenberg V. F. Blatnaya muzyka («zhargon» tyur'my) / pod red. i s predisl. prof. I. A. Boduen de Kur-tene. — SPb., 1908.
21. Shapoval V. V. O nekotorykh oshibkakh v sovremennykh zhargonnykh slovaryakh // Voprosy filo-logii. 2007. № 1 (25). S. 55—61.
22. Shmel'kova V. V. Leksicheskaya dearkhaiza-tsiya v sovremenном russkom literaturnom yazyke. — Penza : Izd-vo PGPU im. V. G. Belinskogo, 2009.

Я благодарю Е. Н. Геккину и М. Н. Приемышеву за ценные советы, П. В. Ключина и Е. В. Протопопову — за помощь в поиске информации. Большое спасибо И. Е. Лощилову за уточнение даты создания «Ночного обыска» В. Хлебникова.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук М. Н. Приемышева.